

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

---

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ  
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ  
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ  
КУЛЬТУРЫ

XLVII



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,*

*А. Ф. Медведев, Г. Б. Федоров*

М. В. ФЕХНЕР

## РАСКОПКИ В КОСТРОМЕ

*(К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении)*

История возникновения Костромы не нашла своего отражения в письменных источниках. На страницах русских летописей город впервые назван под 1213 г. в связи с междоусобной борьбой суздальских князей, когда ростовский князь Константин Всеволодович напал на Кострому как на город, тяготевший к владениям его брата, владимирского князя, «и пожже ю всю, а люди изымаша»<sup>1</sup>. Это первое известие рисует Кострому уже вполне сложившимся городом, что дает основание предполагать о существовании ее как поселения задолго до начала XIII в. Согласно преданию, державшемуся в местном крае еще в XIX в., основание Костромы связано со строительной деятельностью князя Юрия Долгорукого по укреплению рубежей Суздальской земли. Как полагал В. Н. Татищев, город был заложен в 1152 г., в тот год, когда Юрием Долгоруким были созданы в стратегических целях на западной окраине Ростово-Суздальской земли Юрьев-Польский и Переяславль-Залесский. Такой же передовой крепостью Суздальской земли (на северо-востоке) являлась и Кострома; она контролировала путь по р. Костроме, который связывал северо-восточную часть Ростово-Суздальской земли с верховьями Волги.

По мнению некоторых исследователей Костромы, город первоначально находился на правом берегу Волги, на месте селения Городище и был перенесен на левый берег реки в связи с разгромом его татарами лишь в середине XIII в.<sup>2</sup> Однако раскопки в районе Городища, произведенные членами Костромской архивной комиссии Н. М. Бекаревичем и И. Д. Преображенским в конце XIX в. и сотрудником Костромского музея В. И. Смирновым в 1920-х годах, дали лишь кремневые орудия, обломки сосудов неолитического типа и сетчатую керамику; материал же XI—XII вв. не был обнаружен. Между тем в 90-х годах прошлого столетия на берегу р. Сулы — левого притока Волги, у дома № 10 по улице Островского (быв. Московская или Мшанская улица) были найдены при земляных работах наряду с предметами, относящимися к неолитическому периоду, 101 обломок стеклянных браслетов, 38 пастовых, стеклянных и глиняных бус,

<sup>1</sup> ПСРЛ, т. VII, стр. 119.<sup>2</sup> Б. Дунаев. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства. М., 1913; В. К. Лукомский. Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины. СПб., 1913; И. В. Миловилов. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1888.

железные ножи и кольца, двухсторонние трапециевидные костяные гребни, обломки глиняных сосудов с линейным и волнистым орнаментом и др. (рис. 36). Среди обнаруженного материала значительный интерес представляет бронзовый стержень овального сечения с уплощенным концом и навершием в виде птички. У последней на месте глаз имеется круглое отверстие, а на обеих сторонах тулова — два углубления круглой формы, по

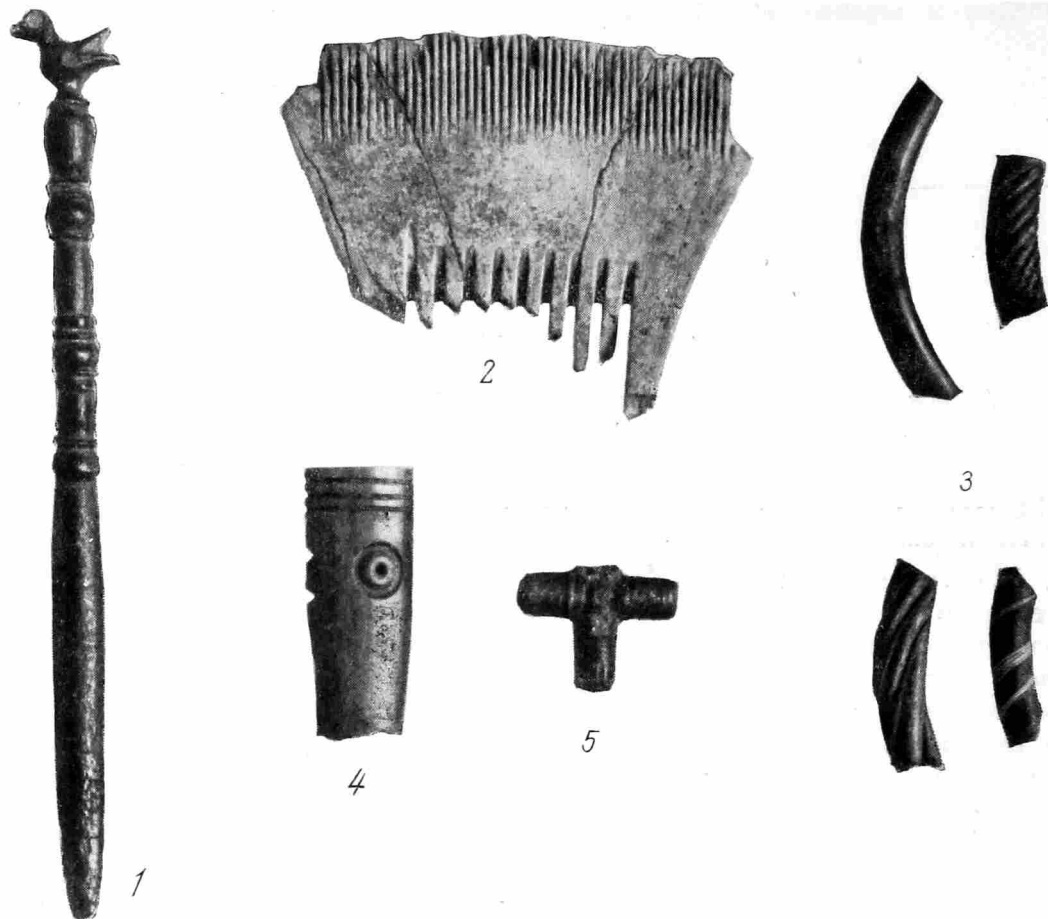


Рис. 36. Материал, обнаруженный в г. Костроме при земляных работах на берегу р. Сулы в конце прошлого века.

1 — бронзовый стержень, употреблявшийся при тканье поясов; 2 — костяной гребень; 3 — обломки стеклянных браслетов; 4 — костяное изделие; 5 — обломок глиняного крестика

диаметру равные отверстию. Такой же формы и такого же размера стерженьки, или «ножички», с навершиями в виде птиц были найдены во Владимирской области близ Муром (случайная находка) и на месте древнего г. Белоозеро (подъемный материал)<sup>1</sup>. Повидимому, они восточного происхождения, так как подобные предметы часто встречаются в развалинах городов на территории Средней Азии<sup>2</sup>. Эти бронзовые «ножички» являлись орудиями, которыми пользовались при тканье поясов; ими прибивали уток в процессе тканья (рис. 36—1).

Подобные же находки, свидетельствующие о существовании поселения городского типа на левом берегу Волги уже в домонгольское время, встречались в 1920—30-х годах на побережье р. Сулы в районе Пятницкой улицы и недалеко от места впадения Сулы в Волгу. Несмотря на этот заслуживающий внимания материал, археологического обследования территории

<sup>1</sup> Сбор В. В. Горновского 1948 г. Череповецкий музей, № 1740/1.

<sup>2</sup> Закаспийская область. Собр. А. Комарова. ГИМ, инв. № 23877/Щ.

по нижнему течению Сулы не было произведено. Раскопки Областного краеведческого музея, организованные летом 1951 г., были первыми как в этом районе города, так и вообще в Костроме. Они носили преимущественно разведывательный характер и ставили перед собой задачу установить первоначальное местоположение Костромы и вместе с тем археологически решить вопрос о времени ее возникновения<sup>1</sup>.

После обследования местности по нижнему течению Сулы (в районе улиц Пятницкой и Островского) были выбраны следующие участки для работ:

1) Три раскопа были заложены во дворе дома № 23 по улице Островского (рис. 37). Здесь, на высоком холме близ места впадения р. Сулы в Волгу, находилась Богоотцовская церковь, построенная в 1769 г. на месте деревянной церкви Федора Стратилата, в которой, согласно летописным данным, был в 1276 г. похоронен князь костромской Василий Ярославич: «Преставися князь великий Василий Ярославич и положен бысть у святого Федора на Костроме»<sup>2</sup>. В «Сказании о чудесах федоровской иконы» (рукопись 1613 г.) указано, что соборная церковь Федора Стратилата находилась «на площади по прозванию Мшанская улица»<sup>3</sup>. Эта церковь, не раз горевшая, упоминается также в писцовых книгах г. Костромы 1628 г.: «На Суле у Мшанской улицы церковь стоит без пенья Феодора Стратилата древяна...»<sup>4</sup>. В начале XVII в. вблизи Федоровской церкви можно было видеть и остатки «старой осьши», некогда окружавшей город<sup>5</sup>.

Таким образом, три раскопа были разбиты в центре территории, которую, как это явствует из письменных источников, Кострома занимала в XIII в. Из них раскоп 1 был разбит на площадке, свободной от строений, в 45 м к западу от бывшей Федоровской церкви. Заложить раскоп на месте, занятом в свое время церковью, не оказалось возможным, так как в течение последних 10—15 лет отсюда систематически брали песок для строительных целей, в связи с чем культурный слой здесь оказался целиком снятым. Два других раскопа были заложены в 30 и 45 м к юго-западу от места

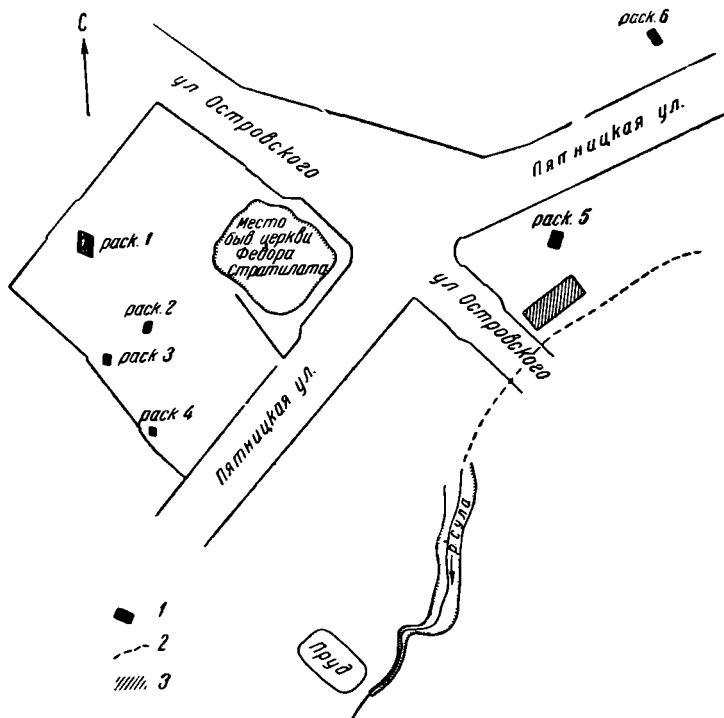


Рис. 37. План раскопок 1951 г. в г. Костроме  
1 — места раскопок; 2 — русло р. Сулы; 3 — место находки археологического материала в 90-х годах XIX в.

<sup>1</sup> Раскопки велись сотрудником ГИМ М. В. Фехнер при участии научного сотрудника Костромского музея Н. Н. Яблоковой. Полученный при раскопках материал хранится в Костромском обл. музее (оп. № 414).

<sup>2</sup> ПСРЛ, т. V, стр. 199; И. Беляев. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, стр. 18.

<sup>3</sup> Костромской обл. гос. архив, ф. 558, № 2.

<sup>4</sup> Там же, № 5, л. 613 об.

<sup>5</sup> Там же, л. 617.

бывшей церкви Федора, причем один из них (раскоп 3) находился на склоне холма, обращенного к Волге, где можно было надеяться встретить неперекопанный слой.

2) Для раскопа 4 было выбрано место во дворе дома № 11 по Пятницкой улице, в районе которой, как выше отмечалось, находили славянские вещи XI—XII вв. Данный раскоп был расположен на расстоянии 3,5 м от дома № 12, на склоне холма, обращенного к р. Суле (см. рис. 37).

3) Место для раскопа 5 было выбрано во дворе дома № 10/12 на углу улиц Пятницкой и Островского (двор дома XVIII—XIX вв. быв. Костромского попечительного о бедных комитета), в 28 м от русла р. Сулы. Это место остановило на себе внимание потому, что, повидимому, именно здесь в 90-х годах был обнаружен на берегу Сулы при земляных работах вышеупомянутый материал XI—XII вв. Так, в инвентарной книге Костромского музея указано, что эти находки были сделаны против дома № 10 по Мшанской улице (ныне улица Островского). Из дел же Костромской городской управы известно, что в 90-х годах на правом берегу Сулы строился кирпичный сарай и что в те годы дома № 10 (быв. Богоявленской) и № 12 (быв. дом Костромского попечительного о бедных комитета) по Мшанской улице имели общий, неразгороженный двор<sup>1</sup>. Очевидно, что при рытье котлована для фундамента кирпичного здания, которое в настоящее время относится к дому № 12 по улице Островского, и был обнаружен археологический материал XI—XII вв. По словам местных жильцов, площадь двора при доме № 12 неоднократно перекапывалась. Нетронутой являлась лишь северо-западная часть двора, где и был заложен раскоп 5. Он находился в 11,5 м от места находки археологического материала.

4) Раскоп 6, последний, был разбит во дворе дома № 19 по Пятницкой улице, на расстоянии 2,5 м от дома (см. рис. 37).

Площадь заложенных раскопов колебалась от 12 до 48 м<sup>2</sup>; такие небольшие размеры были вызваны условиями застройки. Кроме перечисленных шести раскопов, экспедицией Костромского музея были заложены еще два небольших шурфа: на левом берегу Сулы во дворе дома № 12 по улице Островского и во дворе дома № 9/18 на углу Пятницкой и Пролетарской улиц.

Раскопы 1—5 были ориентированы по странам света; раскоп 6 пришлось ориентировать параллельно стенам дома, вблизи которого он был разбит.

Работы начались на раскопе 1, где обнаружилась совершенно неудовлетворительная стратиграфическая картина. Культурный слой, толщина которого колебалась на этом участке от 0,90 до 2 м, был нарушен почти на всей исследуемой площади. Вдоль северного обреза раскопа и через всю его площадь в направлении с севера на юг шла канава шириной 1,4—1,8 м; она была вырыта до материка, состоявшего из чистого светложелтого мелкозернистого песка. В юго-западной части раскопа был обнаружен слой строительного щебня, шедший почти до материка и содержащий самый разновременный материал. Вместе с лощеной керамикой XVI—XVII вв. встречались обломки глиняных сосудов XI—XII вв. с волнистым и штампованным орнаментом и обломки стеклянных браслетов, характерных для домонгольского времени. В этом же слое обнаружены: кремневое орудие, монета 1801 г., обломки фаянсовой, фарфоровой, стеклянной посуды XVIII—XIX вв. и остатки современной обуви. Лишь в восточной части раскопа 1 и в некоторых квадратах центральной его части смешанный слой шел не до самого материка, а только на глубину 40—60 см. Следует отметить, что на этом участке максимальное количество находок приходилось на верхние слои (до глубины 1—1,1 м), ниже количество их падало и делалось совсем ничтожным на глубине 1,4—2 м. В этой части раскопа

<sup>1</sup> Костромской обл. гос. архив. Дела Костромской городской управы (1870—1918 гг.), строительное отделение, № 2299 и 3385.

были обнаружены остатки металлургического производства — большое количество обломков криц, железных шлаков, куски обожженной глины и множество угля. Эта находка хорошо датируется керамикой XVI—XVII вв.: в слое преобладала черная лощеная и мореная без лощения керамика, а также хорошо известная по раскопкам в Москве светлосерая толстостенная посуда (толщина стенок до 1,5 см). Последняя представлена большим количеством черепков, дающих возможность восстановить форму сосудов: они были большого размера (возможно корчаги) с прямым неотогнутым венчиком и с туловом, орнаментированным редкими горизонтальными полосами. Из такой же глины были изготовлены массивные крышки с петельчатыми ручками, украшенные концентрическими кругами.

У восточного обреза раскопа была обнаружена яма (1 × 1,05 м) глубиной до 1 м., в которой на глубине 1,2 м от поверхности найдена стеклянная позолоченная бусина цилиндрической формы. Как известно, подобные бусины обычны в смоленских, прибалтийских, тверских и владимирских курганах XI—XII вв. В курганах костромских этого же времени было также найдено несколько экземпляров таких бус<sup>1</sup>.

Большой интерес представляют обломки керамики так называемого городищенского типа, найденные на глубине 1,2—1,5 м от поверхности в той же яме, что и стеклянная позолоченная бусинка. Это толстостенные сосуды (6—10 мм) недостаточного обжига, с довольно слабо отогнутым венчиком и резко выступающими плечами; глиняное тесто их содержит значительную примесь кварца; нередко сосуды этого типа имеют на плечах волнистый или ногтевой орнамент. Керамика городищенского типа, характерная для русских городских слоев домонгольской поры<sup>2</sup>, была найдена на остальной площади раскопа в смешанном слое. Итак, ненарушенные нижние горизонты культурного слоя на раскопе 1 могут быть отнесены к XI—XII вв.

По окончании работ на раскопе 1 был разбит раскоп 2. Культурный слой на всей площади раскопа оказался очень тонким — мощность его не превышала 70 см; возможно, что он частично был снят раньше. Так, материал XI—XII вв. обнаружен на данном участке работ всего лишь на глубине 40—45 см от поверхности. Верхние слои здесь, как и на раскопе 1, были сильно перерыты и дали разновременный материал. На одной глубине с фрагментами поливной посуды XX в. встречалась черная лощеная керамика, обломки «красных» рельефных изразцов XVI в., глиняная курительная трубка XVIII в., наконец, обломки грубой глиняной посуды с волнистым, линейным и ногтевым орнаментом.

У северной стенки была обнаружена на глубине 40 см небольшая яма (50 × 80 см) глубиной 20 см, заполненная фрагментами керамики XI—XIII вв. Часть обломков принадлежала посуде из белой глины с широким сильно отогнутым венчиком и с орнаментом на плечах в виде небольших углублений, нанесенных деревянной палочкой, которые расположены по одной линии. Подобная керамика была найдена при раскопках древнего г. Белоозера Л. А. Голубевой в слоях XII—XIII вв. Преобладающее же количество обломков принадлежало толстостенной посуде (8—9 см) со слабо отогнутым узким венчиком и слабо выступающими плечами; поверхность серовато-коричневая, шероховатая; глиняное тесто со значительной примесью песка, обжиг слабый. С таким же профилем и подобным же глиняным тестом здесь встретилось еще несколько обломков сосудов средней толщины (5 мм), тулово которых целиком орнаментировано частыми горизонтальными линиями. Судя по аналогиям, дата описанной керамики, очевидно, довольно ранняя; она не моложе XI—XII вв.

<sup>1</sup> П. Н. Третьяков. Костромские курганы. «Изв. ГАИМК», т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 15.

<sup>2</sup> М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА СССР, т. 12, М.—Л., 1949, стр. 60—61.

Древний культурный слой сохранился в раскопе 2 и в юго-западной его части, где на глубине 40—70 см найдены обломки керамики, подобной той, которая была обнаружена в яме. Здесь же в предматериковом слое найден обломок голубого стеклянного браслета.

Переходим к раскопу 3. Толщина культурного слоя на этом участке колебалась от 0,8 до 1,5 м. Различить внутренние прослойки не удалось, хотя материал встречался разновременный. Как и на предыдущих раскопах, здесь встречены в основном две группы керамики: посуда XVI—XVII вв. (черная лощеная, мореная без лощения, керамика ангобированная) и керамика XI—XII вв. (городищенского типа — толстостенная недостаточного обжига, с мало отогнутым венчиком и слабо выступающими плечами, а также сосуды с широким, сильно отогнутым венчиком и линейным, волнистым и штампованным орнаментом на плечах). Среди металлических изделий в раскопе 3 найдены: кованые гвозди, нож, четырехгранный болт, пробой, дужка от ведра и др.

Огромный интерес представляет обнаруженный в центральной части раскопа на глубине 0,8—1 м развал глинобитной печи, в непосредственной близости от которого найдены куски застывшей белой стеклянной массы, обломок расплавленного стеклянного браслета (зеленого цвета), — повидимому, производственный брак — и железный шлак, применявшийся, как известно, для изготовления стекла. Из-за условий застройки расширить площадь раскопа 3 и полностью выявить археологический комплекс, связанный с печью, не удалось. Тем не менее обнаруженный материал дает возможность говорить о существовании в домонгольской Костроме специальной мастерской стеклянных браслетов. Настоящая находка приобретает тем большее значение, что, кроме Киева (раскопки Хвойко) и Колодяжина (раскопки Гончарова), стеклоделательные мастерские до сих пор не были обнаружены ни в одном из древнерусских городов.

После засыпки раскопов во дворе дома № 23 по улице Островского работа экспедиции была перенесена на Пятницкую улицу, во двор дома № 11. Здесь на склоне холма, обращенного к р. Суле, был заложен раскоп 4, на котором удалось проследить следующую стратиграфию: черноватый слой толщиной 10 см; слой серой земли (0,45—1 м) с кирпичным щебнем и керамикой, среди которой преобладали фрагменты сосудов XVI—XVII вв., слой песка 30—45 см толщины и, наконец, слой черной земли (40—90 см), в котором найдены обломки сосудов с волнистым и ногтевым орнаментом, керамика XVI—XVII вв., несколько небольших кусков железного шлака и обломок расплавленного стеклянного браслета голубого цвета, который, повидимому, являлся браком, получившимся в процессе изготовления браслетов. В южной части раскопа обнаружен мусорный слой с материалом, относящимся в основном к XIX—XX вв. Из находок в этом слое, относящихся к более раннему времени, заслуживает внимания обломок медного креста-складня XV—XVI вв.

По окончании работ на раскопе 4 был заложен раскоп 5 во дворе дома № 10/12 на углу улиц Пятницкой и Островского.

В процессе раскопок выяснилось, что стратиграфия на раскопе 5 была менее нарушена, чем на предыдущих участках. Толщина культурного слоя колебалась от 0,46 до 2,4 м. В верхних слоях на глубине 0,6—0,7 м на всей площади раскопа преобладала черная лощеная керамика XVI—XVII вв., среди которой много обломков кувшинов с лощением полосами, а также с целиком лощеной поверхностью, миски с внешней и внутренней лощеной поверхностью, рукомытники. Керамики XI—XII вв. на данной глубине было найдено всего несколько фрагментов; повидимому, они попали сюда при перекопе из более глубоких слоев.

Ниже (глубина 0,8—1 м) черной лощеной керамики найдено сравнительно мало; здесь преобладала керамика городищенского типа и фрагменты



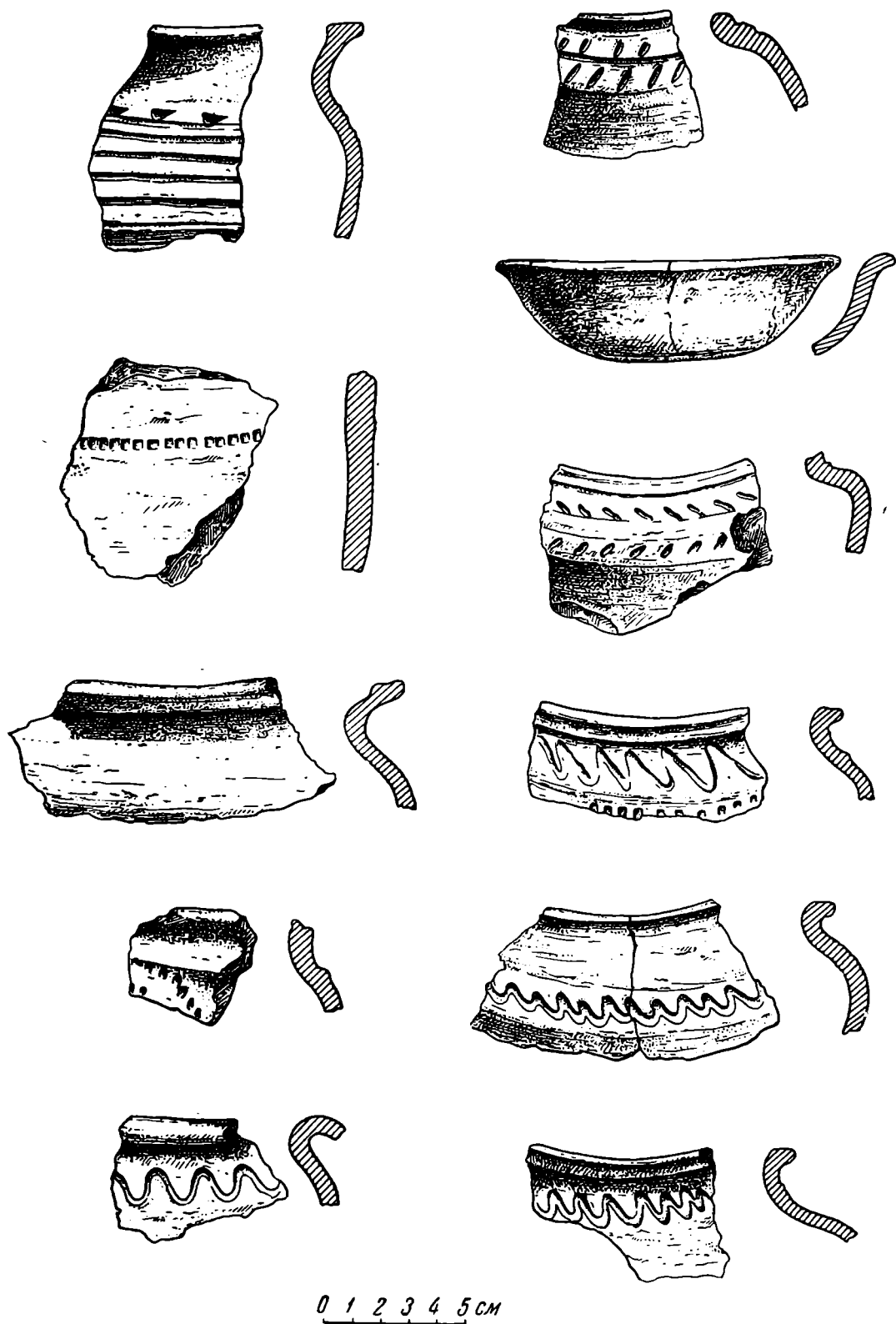


Рис. 38 Образцы глиняной посуды XI—XII вв. из раскопок в г. Костроме

горшков, которые по форме, глиняному тесту и орнаменту аналогичны сосудам из курганов XI—XII вв. близ деревень Татариново и Исаево Костромской области<sup>1</sup>. Горшки этих двух типов: с узким, почти прямым венчиком и слабо выступающими плечами и с широким отогнутым венчиком и резко выступающими плечиками. На плечах или на тулове нередок волнистый, линейный, штриховой и ногтевой орнамент. Характерным для костромских сосудов является то, что ширина их всегда больше высоты. Сделаны они при помощи гончарного круга. Глиняное тесто обычно имеет значительную кварцевую примесь. Фрагменты подобных горшков встречались и в раскопах 7—4. На глубине 0,8—1 м найдено несколько обломков железных изделий и крупный фрагмент стеклянного браслета.

В нижних слоях (на глубине 1,2—2,2 м) керамика XVI—XVII вв. совершенно отсутствовала; в основном встречалась та же керамика, что и на глубине 0,8—1 м. Обнаружено также несколько обломков посуды из белой глины с широким, сильно отогнутым венчиком и с линейным орнаментом на плечах. Как указывалось выше, подобная керамика была найдена в г. Белоозеро в слоях XII—XIII вв. Фрагментов лепной керамики в раскопе 5, как и в предыдущих четырех, обнаружено не было. На глубине 2,4 м, за исключением нескольких кусочков угля, никаких находок не сделано.

Из изложенного явствует, что керамика нижних горизонтов культурного слоя раскопа 5 датируется XI—XII вв. (рис. 38).

Культурный слой раскопа 6 оказался однородным: он содержал много кирпичного щебня и был чрезвычайно богат находками XVI—XVII вв. Материал же XI—XIII вв. встречался здесь в незначительном числе.

В шурфах, заложенных на левом берегу Сулы, против дома № 10 по улице Островского и на углу улиц Пятницкой и Пролетарской, культурный слой достигал лишь 25—40 см толщины и содержал исключительно материал XVII—XX вв.

Проделанная работа позволяет сделать следующие выводы.

Наши раскопки и археологический материал, собранный при земляных работах, подтвердили существование Костромы уже в XII в., т. е. задолго до того времени, когда она впервые упоминается в летописи. Указанная В. Н. Татищевым дата основания Костромы (1152) является, конечно, условной. Однако тот факт, что р. Сула, еще недавно протекавшая по территории города, названа южным именем в честь р. Сулы — притока Днепра, дает право отнести время постройки Костромы к эпохе Юрия Долгорукого; известно, что перенесение южных географических названий в Суздальскую Залесскую сторону являлось характерной чертой строительной деятельности сына Мономаха<sup>2</sup>.

Археологический материал, обнаруженный на территории города, показал также, что Кострома находилась на левом берегу Волги еще в домонгольское время. Зародившись, повидимому, на высоком холме близ слияния рек Волги и Сулы, городское поселение постепенно разрасталось вдоль левого берега Волги до места, где в нее впадает р. Кострома. Естественными границами княжеской Костромы (XIII в.) были: на юге и юго-востоке — долины рек Волги и Сулы, на западе — р. Костромы. Показательно, что именно в этой части города находились наиболее древние монастыри Костромы: Ипатьевский, Спасозапрудненский, Анастасьинский.

Неполнота собранного археологического материала не позволяет пока создать всестороннее представление о древней Костроме, которая, несомненно, была значительным для того времени ремесленно-торговым центром. Последующие, более крупные и длительные археологические исследования на территории города должны восполнить этот пробел.

<sup>1</sup> Хранятся в Костромском областном краеведческом музее.

<sup>2</sup> М. Н. Тихомиров. Основание Москвы и Юрий Долгорукий. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 147.